[30] *Энгельсон В.* Статьи, прокламации, письма. М., 1934. С. 147.
[31] Рабочее движение в России в XIX веке: Сб. документов и материалов. М., 1955. Т. 1. Ч. 2. С. 278. Здесь речь идет о штатах казенных горных заводов Урала, принятых в 1827–1829 гг. в качестве опыта на три года, но де-факто действовавших и позднее (*Лоранский А. М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России: 1700–1900. СПб., 1900. С. 143).
[32] *Шкерин В. А.* Генерал Глинка: Личность и эпоха. Изд. 3-е, доп. Екатеринбург, 2008. С. 96–130.
[33] Рабочее движение в России в XIX веке. С. 279.
[34] *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 219–220.
[35] *Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. I. С. 139.
[36] *Вержбицкий В. Г.* Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 г.). М., 1964. С. 132–133.
[37] *Поджио А. В.* Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 132.
[38] *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 39.
[39] *Долбилов М. Д.* 1) Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: к оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история. 2000. № 2. С. 15–36; 2) М. Н. Муравьёв и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства крае // Там же. 2002. № 6. С. 67–90.
[40] *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 706.

УДК 94(47)«1825.12.14»
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00035

Я. А. Гордин

Новое декабристоведение — технология «разрушения мифов»

Декабристоведение — живая отрасль исторической науки. Закрепленный в свое время героически-благостный миф о «людях 14 декабря», участниках мятежа Черниговского полка и вообще обо всех причастных к тайным обществам совершенно закономерно подвергся пересмотру и существенной корректировке.

Вопрос в том, насколько профессиональна и справедлива эта корректировка.

В 2005 г. вышло исследование О. И. Киянской «Южное общество декабристов, люди и события», предлагавшее обширный новый материал и наметки но-

вого подхода к событиям на юге России — прежде всего мятежу Черниговского полка.

Но понятное стремление к демифологизации и трезвому взгляду на деятельность и мотивации тех, кого мы называем декабристами, порой заводит исследовательницу слишком далеко. В частности, исследовательница предъявляет лидерам тайных обществ суровое обвинение: «Революция не лучший способ решения социальных и общественных проблем, революция — это боль, кровь и страдания миллионов людей. В этом смысле декабристы виноваты перед русской историей: именно они выпустили джинна из бутылки»[1]. Или: «Декабристы стали родоначальниками революционной традиции в России, завершившейся печально знаменитым 1917 г.»[2]. Это повторение известной ленинской идеи не кажется мне убедительным.

О. И. Киянская с уважением и пониманием относится к Трубецкому. В «Записках», объясняя мотивы свои и своих соратников, которые в период Союза благоденствия надеялись убедить помещиков освобождать крестьян, Трубецкой писал: «Если помещики будут упорствовать и не согласятся добровольно на освобождение, то крестьяне могут вырвать у них свободу, и тогда Отечество может стать на краю бездны. С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которые никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и, может быть, добычею честолюбцев, наконец, может распасться на части и из одного сильного государства обратиться в разные слабые»[3]. И далее: «Члены общества <...> всем сердцем и всею душою желали: поставить Россию в такое положение, которое упрочило бы благо государства и оградило его от переворотов, *подобных Французской революции, и которое, к несчастью, продолжает еще угрожать ей в будущности* (курсив мой. — *Я. Г.*)»[4].

Мыслящие дворяне хорошо помнили урок пугачевщины. Об этом, собственно, и говорит Трубецкой. Декабристы отнюдь не провоцировали катаклизмы, подобные событиям 1917 г. Они предвидели их неизбежность при сохранении существующей системы и надеялись, реформировав ее, предотвратить катастрофу.

Ощущение близящихся потрясений преследовало Трубецкого. В дополнении к «Запискам», написанным, как и основной текст, в середине 1840-х гг., Трубецкой снова возвращается к тому же сюжету: «Тридцать лет протекло от начала французской революции. Ужасы ее, причины их, последствия, деспотизм Наполеона, порабощение народов были предметом внимания мыслящих людей. Подобные события, при сходных обстоятельствах, смогли повториться во всякой другой стране. Язва крепостного состояния крестьян располагает Россию к большим бедствиям в случае внутренних беспокойств (как был тому пример во времена Пугачева), нежели всякое другое европейское государство»[5].

Это сознавали и мыслящие люди следующих поколений.

Лев Николаевич Толстой в финале «Войны и мира» устами Пьера Безухова, в известном смысле своего alter ego, формулирует собственное понимание задач тайного общества, членом которого стал Пьер. В споре с Николаем Ростовым, недоумевающим — чего ради богач и аристократ граф Безухов вступил в какое-то тайное общество, Пьер отвечает: «Мы только для того, чтобы Пугачев не пришел зарезать и моих и твоих детей...»[6]

Переворот, задуманный лидерами Северного общества, не предполагал ни народных волнений, ни террора против своих политических противников, ни возбуждения социальной вражды. Даже радикал Пестель не предполагал участия восставших масс в создании новой политической системы.

Опыт, который русское общественное движение наследовало от декабристов, принципиально отличался от теории и практики и большевиков, и эсеров.

Что же касается традиционных обвинений, предъявляемых людям тайных обществ — нарушение присяги (присяги — кому?), замысел на цареубийство и т. д., то достаточно вспомнить, что Александр I, против которого они замышляли, и его соратники по перевороту 11 марта 1801 г. присягали убитому ими Павлу I. П. В. Голенищев-Кутузов, член Следственной комиссии, руководивший казнью государственных преступников, назначенный после 14 декабря военным генерал-губернатором Петербурга, был участником заговора против императора Павла и, соответственно, его убийства.

Один из вероятных убийц законного императора Петра III — Алексей Орлов сделал головокружительную карьеру...

Лидеры тайных обществ действовали в определенной политической традиции, но цели их принципиально отличались от целей их предшественников.

В книге «Южный бунт: восстание черниговского пехотного полка» О. И. Киянская предлагает и еще одно немаловажное соображение, способствующее дискредитации ее героев: «Если бы главной целью декабристов действительно было крестьянское освобождение, то для этого им было вовсе не обязательно, рискуя жизнью, организовывать политический заговор. Тем из них, кто владел крепостными душами, стоило только воспользоваться указом Александра I от 20 февраля 1803 года — указом о вольных хлебопашцах, и отпустить на волю собственных крестьян»[7]. Когда этим аргументом пользуются самодеятельные декабристоведы — что случается часто, — это простительно. Но для серьезного историка подобная наивность удивительна.

Разумеется, декабристы думали об этом варианте. Н. И. Тургенев писал брату С. И. Тургеневу в 1818 г.: «Трубецкой сам хотел сделать опыт со своими крестьянами, но по сию пору ему не удалось»[8]. Тот же Трубецкой после процитированного текста о возможном восстании крепостных писал: «Члены общества были молодые люди, не имевшие еще собственных поместий. Они не могли дать пример своим согражданам освобождением собственных крестьян...»[9] Но когда по прошествии нескольких лет — в канун событий 1825 г. — эти люди стали старше, это не облегчило решение проблемы.

Например, такие активные деятели Северного общества, как братья Бестужевы, чтобы освободить своих немногочисленных крестьян, должны были получить согласие матери, юридической владелицы имения, и сестер. Поскольку других средств к пропитанию у женщин не было, то маловероятно, чтобы братья предприняли подобную попытку.

Князь Сергей Григорьевич Волконский теоретически мог бы освободить несколько тысяч крепостных, но обширными имениями Волконских он владел не единолично. У него было двое братьев и сестра, не говоря уже о том, что решающее слово в имущественных делах принадлежало скорее всего его матери, обер-гофмейстерине Высочайшего двора княгине Александре Николаевне. Ему пришлось бы проводить сложную и мучительную процедуру выделения своего фрагмента состояния при безусловном сопротивлении семьи.

Таких примеров можно приводить сколько угодно.

Но главное не это. Декабристы видели жизненную задачу не в том, чтобы освободить несколько сотен или тысяч крестьян, а в том, *чтобы ликвидировать саму систему крепостного права.*

Достигнуть этого индивидуальными благородными поступками было невозможно.

Не понимать это — по меньшей мере странно. При том что во введении к «Южному бунту» исследовательница декларирует абсолютно здравую мысль: «Декабристы мыслили себя прежде всего политиками»[10]. Именно поэтому они не могли ограничиться частным благотворительством и вступили в смертельно опасную политическую игру. Политические программы, которые упорно разрабатывали лидеры тайных обществ, включали в себя широкий спектр преобразований. В том числе и прежде всего — крестьянскую реформу.

Эта, быть может, подсознательная тенденция к «снижению» провоцирует небезобидные фактические ошибки: «Известно, что Рылеев на площади не был»[11]. И это не оговорка. Утверждение повторяется и еще раз: «В день восстания на площади не было ни Рылеева, ни Булатова»[12]. Как же выглядит в наших глазах едва ли не главный организатор выступления, если он не счел нужным явиться на место главных событий?

Рылеев на площади был.

В широко известном источнике — воспоминаниях Н. А. Бестужева — читаем: «Когда я пришел на площадь с гвардейским экипажем, уже было поздно. Рылеев приветствовал меня первым целованием свободы»[13].

Рылеев появился на площади вскоре после рот Московского полка и провел там около полутора часов. Осознав явную недостаточность сил восставших, он бросился в расположение Финляндского полка в надежде на выход финляндцев. Драматическую сцену возле казарм Финляндского полка, в которой участвовал Рылеев, видел и засвидетельствовал в официальной записке генерал Е. А. Головин[14]. Эта чрезвычайно значимая для понимания общей ситуации записка опубликована в моей книге «Мятеж реформаторов», на которую

исследовательница ссылается в своей работе «Южное общество декабристов, люди и события».

Булатов, кстати, тоже был на площади, о чем подробно рассказал в письме великому князю Михаилу Павловичу. К мятежному каре он не приближался, но оказался в шести шагах от императора Николая. Он, по его утверждению, готов был возглавить восставших при достаточном числе войск.

Во «всеподданейшем докладе» императору следственной комиссии есть выразительный пассаж: «Булатов был на площади, но только зрителем, хотя выходя из дома и заряжая пистолеты, говорил: "может быть увидят, что есть в России Бруты и Ръеги, которых (в чем признаётся откровенно) знал только по именам"»[15].

Можно было бы указать и еще на ряд фактических неточностей, но дело не в них, а в тенденции.

Наименее убедительной представляется глава «Может быть, обойдется без огня...», посвященная дню 14 декабря. Но это предмет особого разговора. Здесь нужно только сказать, что, опираясь на «концепцию Сафонова», О. И. Киянская не учитывает, что этот историк в разные годы приходил к совершенно различным «важным обобщающим выводам», иногда диаметрально противоположным, не говоря уже о некорректном цитировании текстов[16].

При том что целый ряд соображений О. И. Киянской вызывает возражения, ее работы — прежде всего монография «Южный бунт. Восстание Черниговского полка» — вносят ценный вклад в наше понимание обсуждаемой проблематики.

Это прежде всего касается публикуемых и анализируемых ею документов, касающихся мятежа Черниговского полка. Документы эти рисуют трагическую картину разложения полка и выхода нижних чинов из-под контроля офицеров-декабристов, и это ставит перед нами вопрос, прежде, насколько мне известно, не обсуждавшийся — как повели бы себя солдаты в случае победы восстания или — если говорить о 2-й армии, — во время предполагаемого похода на Петербург. Это вопрос чрезвычайной важности: насколько точно оценивали лидеры тайных обществ возможность контроля над мятежной солдатской массой в процессе активных действий.

И если относительно гвардии мы можем с достаточной долей уверенности сказать о готовности солдат подчиниться своим офицерам в ситуации смены власти, то относительно Юга этой уверенности нет.

Существует несомненная константа армейского бытия — выход офицеров среднего звена из-под контроля высших начальников, как правило, ведет за собой распад всей армейской иерархии и потерю контроля этого среднего звена над нижними чинами.

Речь идет о том, насколько трезво оценивали лидеры тайных обществ свои возможности во взаимоотношениях с солдатской массой и степень понимания ими социально-психологических механизмов поведения солдат.

То, что работы О. И. Киянской поставили этот отнюдь не гипотетический вопрос, — ее несомненная научная заслуга.

Однако работы эти демонстрируют и те опасности, которые заключает в себе чрезмерное увлечение разрушением мифов.

Идеальная иллюстрация к тому, насколько пагубно может быть это увлечение — монография Н. Д. Потаповой, доцента Европейского университета в Санкт-Петербурге, «Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов». В выходных данных указано — «научное издание».

Прежде чем рассмотреть уровень «научности» этой работы, стоит привести примеры представления автора о реальных обстоятельствах событий, которые составляют основу сюжета.

Вот как Н. Д. Потапова описывает мятеж 14 декабря: «Несколько младших офицеров вывели своих солдат, день они простояли на морозе и что-то кричали, возможно требовали конституцию. Едва ли это событие можно назвать столь уж ярким и значимым, и едва ли это было впервые в русской истории: можно вспомнить и восшествие на престол Екатерины и другие дворцовые перевороты, действие которых разворачивалось в столичном пространстве»[17].

Стоит заметить, что автор «научного» сочинения, профессиональный историк, должен понимать принципиальную разницу между дворцовыми переворотами, главной задачей которых была смена персон на престоле, и выступлением декабристов. Разумеется, все они — за исключением смещения Бирона, — влекли за собой весьма существенные политические последствия. Но ни один из переворотов не предполагал радикального изменения государственной системы.

Было и еще одно обстоятельство. Эти перевороты возглавляли или значительные фигуры — как фельдмаршал Миних при согласии родителей малолетнего императора Иоанна Антоновича, или же во главе гвардейцев шли сами претенденты на престол — Елизавета в 1741 и Екатерина в 1762 г.

И задачи лидеров 14 декабря, и их состав не имели ничего общего с перечисленными переворотами.

Кроме того, Н. Д. Потапова сознательно искажает картину событий 14 декабря. Мятежных солдат в этот день вывели отнюдь не «несколько младших офицеров». Каждый, кто претендует на изучение этих событий, обязан знать классическую работу Г. С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года. Военно-историческая справка».

По данным Г. С. Габаева, восставшими руководили 30 офицеров и 5 штатских. Среди них был один штаб-офицер — капитан-лейтенант Н. А. Бестужев[18]. Нужно уточнение — офицеров, которые реально поднимали и выводили подразделения, было 13 человек — трое в Московском полку, двое в Лейб-Гренадерском полку, как минимум восемь в Гвардейском морском экипаже, считая Н. А. и П. А. Бестужевых. Остальные или последовали за своими солдатами, или присоединились на площади.

И полуанекдотическая картина, которую рисует Н. Д. Потапова, — бессмысленное стояние на площади, вполне вписывается в задачу, которую поставила перед собой исследовательница. (При том что этот день был днем собирания сил и уличных боев — колонна Панова пробилась к площади не раньше половины третьего часа пополудни.) Задача эта — максимальное снижение значимости происходящего, что необходимо для дальнейшего развития общей концепции. Коль скоро события 14 декабря не были ни яркими, ни значимыми в политическом смысле, но при этом будут «отзываться весь XX век», то необходимо найти этому объяснение. И автор находит это объяснение в факте расстрела толпы и восставших из пушек. А «несколько младших офицеров» устроили некое театральное представление, ориентированное на древнеримские образцы — площадь у Сената как Форум и т. д. Античные реминисценции, конечно же, присутствовали в мировидении декабристов, и этот аспект вполне подлежит обсуждению, но не стремление изобразить сцену из жизни Рима привело восставших к петербургскому Сенату.

Эту идею Н. Д. Потапова в дальнейшем использовала при анализе конкретной ситуации: «Те, кто собрался у Сената, безусловно имели возможность захватить его, об этом потом будут долго вспоминать, не понимая, почему этого не произошло. Что помешало им? Ответа на этот вопрос нет. Но если бы это произошло, смысл ситуации легко перекодировался: внутри здания, скрытые от глаз народа, они переставали быть “народом на форуме”, вооруженным и выкрикивающим свои требования сенаторам»[19].

К сожалению, всё это абсолютный вздор. Ответ на этот вопрос есть у каждого, кто владеет конкретным материалом. Восставшие не собирались захватывать пустое здание Сената, поскольку в этом не было ни малейшего смысла. Соответственно, и «много вспоминать» об этом не приходилось. Московские роты действительно должны были обеспечить восставшим подход к Сенату на тот случай, если удастся получить военный контроль над столицей, собрать при помощи сенатских курьеров сенаторов и предъявить им — с позиции силы, — манифест. Сделать это должны были Рылеев и Пущин. Никому из мятежных офицеров не пришло бы в голову ввести в здание Сената тысячи солдат. А именно это подразумевает Н. Д. Потапова, говоря, что восставшие оказались бы «скрытыми от глаз народа». Интересно, как она представляет это действие технологически.

Таким образом, отнюдь не стремление остаться верными римским образцам, а простой здравый смысл помешал восставшим совершить столь бессмысленную акцию.

Вообще, надо сказать, Н. Д. Потапова обнаруживает не слишком отчетливое знание конкретного материала. Она путает Булатова с Якубовичем в ситуации, в который, кажется, их спутать невозможно при минимальном понимании происходящего[20]. Рылеев, разумеется, не был 14 декабря на площади[21]. И так далее.

Но это, в конце концов, мелочи, с которыми можно было бы примириться, если бы не главная идея автора, концепция, которая должна перевернуть наше представление не только о событиях 14 декабря и мятеже Черниговского полка, но и вообще о политической истории александровского царствования, пристыдив при этом несколько поколений историков, не сумевших разглядеть истинную природу имеющихся в нашем распоряжении данных.

Ревизия устоявшихся научных доктрин при появлении новых материалов — дело естественное и плодотворное.

О. И. Киянская в основательной и весьма полезной работе «Правитель дел. К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева» пишет: «При первом, даже самом беглом знакомстве с литературой вопроса становится очевидным: биография Рылеева в том виде, в каком мы знаем ее сегодня, — насквозь легендарна»[22]. Но противопоставляя свое мнение о биографии Рылеева представлениям устоявшимся, исследовательница опирается на внушительный блок ранее не учтенных сведений.

В случае с «переворотом в науке», на который претендует Н. Д. Потапова, дело обстоит совершенно иначе. При этом надо отдать ей должное — Н. Д. Потапова привлекла огромный массив текстов, почерпнутых из европейской печати, откликнувшейся на события в Петербурге и на юге. Она сообщает много разнообразных сведений о существовании тайных обществ в Европе и о конспирологических теориях на этот счет.

В этот плотный словесный массив погружена главная идея книги — никаких тайных обществ в России александровского времени не существовало. Они были выдуманы следователями по делу мятежников 14 декабря и участников черниговского мятежа. Причем следователи заставили узников — пытками и угрозами — подтвердить сочиненную ими версию: «Официальная версия событий связывала происшедшее на Сенатской площади с деятельностью “тайного общества”. Якобы годами втайне готовился переворот, создавались планы, подбирались люди, готовые “жертвовать собой”, им внушали “свободный образ мыслей”, в их среде распространялись сочинения и велись возмутительные разговоры, якобы правдами и неправдами тайное общество стремилось упрочить свое влияние и добиться успеха в достижении цели, произвести “преобразования в правлении государственном”. Общество якобы хотело воспользоваться обстоятельствами — смертью государя <...>. Полгода допросов в казематах Петропавловской крепости, кандалы и железа, угрозы и посулы (речь шла о будущем, карьере, судьбе родных) — всё это позволило укрепить официальную версию в томах следственных показаний»[23].

Попросту говоря, генералы Левашов, Толь, Голенищев-Кутузов, Бенкендорф, великий князь Михаил Павлович сочинили, собственно, десятилетнюю историю декабристских организаций. Можно себе представить, какова была интеллектуальная нагрузка. Ведь пришлось вместе с заключенными придумывать массу деталей, конкретных обстоятельств, пересечений человеческих судеб.

Всё это очень напоминает «новую хронологию» академика-математика А. Т. Фоменко, согласно которой никакой античности не было, а всё, что к ней ошибочно относится, было создано в средние века трудолюбивыми монахами.

А что было? — «Знакомства и встречи, как обычно бывает в свете, обмен новостями и их обсуждение приобретали новые смыслы во время следствия, светское общество нескольких молодых людей переопределялось в тайное»[24].

Автор ищет поддержки у других исследователей: «Т. В. Андреева пишет про дружеский, досуговый характер тайных обществ», «неполитических и политических тайных обществ»[25]. Н. Д. Потапова предусмотрительно не приводит номер страницы. Дело в том, что Т. В. Андреева как серьезный и весьма осведомленный исследователь, ничего подобного не писала и писать не могла. У Т. В. Андреевой сказано: «Вторую группу представляли собой тайные общества, как политические, так и неполитические (досуговые, игровые, пародийные)»[26]. И далее: «Типологически тайные общества Александровского царствования делились на разрешенные правительством нелегальные объединения, к которым до 1822 года относились масонские ложи, и неразрешенные. Последние в свою очередь состояли из двух видов — политические и неполитические общества. В составе неполитических были так называемые "мнимые" тайные общества, т. е. досуговые, игровые, пародийные»[27]. То есть нужная Н. Д. Потаповой характеристика относится к обществам неполитическим. К сожалению, подобные приемы для «Трибун сырых казематов» характерны.

Вот как описан в книге арест Рылеева вечером 14 декабря: «Доставили его из квартиры. Греч вспоминал, что вечером у Рылеева по обыкновению могли сидеть соседи, Штейнгейль, Булгарин, курить сигары, пить чай... и вдруг арест... жена, маленькая дочь. Каким могло быть расставание, мелодраматически представлял в своих воспоминаниях Н. Бестужев»[28].

Прежде всего, автор перепутал события — в воспоминаниях Бестужева речь идет не о вечере, а об утре 14 декабря, когда Рылеев уходил на Сенатскую площадь.

Идиллическая сцена, воссозданная Н. Д. Потаповой, вполне корреспондирует с тем представлением о мятеже 14 декабря, которое она старается внушить читателю, — несколько младших офицеров, солдаты, весь день стоящие неизвестно зачем на морозе и что-то невнятное кричащие...

Даже злорадствовавший Греч более объективен, ни о каких соседях он не пишет: «Когда кончилась драка, Рылеев скитался не знаю где, но к вечеру пришел домой. У него собралось несколько героев того дня, между прочим, барон Штейнгейль; они сели за стол и закурили сигары».

Булгарин, действительно не очень понимая, что произошло, неожиданно пришел к Рылееву. И Греч, разумеется, со слов Булгарина, пишет: «Рылеев встал, преспокойно отвел его в переднюю и сказал: "Тебе здесь не место. Ты будешь жив, ступай домой. Я погиб! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка"»[29].

У Рылеева происходило не мирное чаепитие с соседями и Булгариным, а собрание проигравших мятежников, которые ждали ареста. Н. Д. Потапова старается внушить нам, что Рылеев, который «не был на Сенатской», в тайном обществе не состоял, поскольку такового не было, мирно пил чай — «и вдруг арест». Не очень умелая очередная попытка исказить картину этого дня.

Очень любопытно наблюдать, как Н. Д. Потапова моделирует персонажей: «Между тем, есть много неясного, как, например, могло случиться, что в бумагах штабного полковника, привыкшего по долгу службы заполнять ведомости о снабжении и укомплектовании полков корпуса, хранится черновик "Манифеста Сената", начинающийся со слов "об уничтожении бывшего правления". В первых пунктах этого документа речь шла не о чем-то, казалось бы, важном для человека военного, а о "свободе тиснения, и потому уничтожении цензуры", "свободном отправлении богослужения всем верам", отмене собственности на людей, равенстве перед законом. Что до этого штабному офицеру корпуса, подписывающему бесконечные ведомости и инвентари?[30]

Честно говоря, плохо верится, что это написано всерьез. Н. Д. Потапова хочет представить нам князя С. П. Трубецкого, человека образованного, много лет обдумывавшего и обсуждавшего политические и экономические проблемы с крупно мыслящими людьми, например Н. И. Тургеневым, какой-то канцелярской крысой, не знающей ничего, кроме своих ведомостей и инвентарей. Ей трудно себе представить, что за пределами служебных обязанностей «штабной полковник» может интересоваться проблематикой, занимавшей лучшие умы в то время.

Зачем это нужно автору? Чтобы на следующей странице объявить, что все эти странные для «штабного полковника» идеи прилежно заимствованы из европейской прессы: «Не нужно никакой конспирации, нужно лишь иметь под рукой французскую *Moniteur* или другую газету, передающую дебаты вокруг закона о печати в национальном собрании, или британскую *Morning post*, обсуждающую прения депутатов парламента о правах католиков»[31].

Каким же образом возникло то, что автор постоянно называет «мифологемой тайного общества»?

После упоминания о манифесте, найденном при обыске в столе Трубецкого, Н. Д. Потапова сообщает: «Если вспомнить события в Англии в декабре 1816 года, после того как пушки расстреляли толпу митинговавших на Спафилдс, власти удалось перекодировать события из стихийного протеста против неудовлетворительной политики кабинета в злонамеренный заговор, грозящий государству и обществу. Дома у одного из обвиняемых среди писем радикала Томаса Спенса нашли клочок прокламации с обещаниями солдатам и народу»[32].

И всё становится ясно. Всё, что произошло с Трубецким и его «клочком», — калька с английских событий, реконструированная следователями.

К этой интересной мысли Н. Д. Потапова упорно возвращается: «Вопреки прежней гипотезе, метадискурс — не показания других товарищей

и не мемуары, где приводятся слишком разные идеи, а обращение к европейским политическим дебатам и прениям, доступным российским образованным элитам благодаря возможности регулярно читать европейские газеты. <...> Благодаря обращению к европейской прессе становится понятным и осмысленным содержание найденного в бумагах армейского штабного полковника Манифеста, где в первых пунктах заявлено "свободное тиснение и уничтожение цензуры", "свободное отправление богослужения всем верам". Его повседневная жизнь далека от подобного рода конфликтов и столкновений с цензурой или церковью. Нет таких разговоров с товарищами или знакомыми, о которых полковник кн. Трубецкой сообщил бы на следствии или в мемуарах и которые раскрывали бы, отчего эти проблемы казались крайне актуальными. В то время дебаты о свободе слова и свободе совести звучали в речах парламентских ораторов и политических лидеров, не сходя с трибун и газетных страниц»[33].

По этой логике армейского (на самом деле гвардейского) полковника не должно было волновать и крепостное право — он ведь не был крепостным. Удивительно, но доценту Европейского университета непонятно, как политически активного человека может волновать проблема, его лично не касающаяся. Разумеется, российские либералы ориентировались на европейские традиции. М. А. Фонвизин в фундаментальном «Обозрении проявлений политической жизни в России», написанном в сибирской ссылке, сказал об этом ясно и убедительно: «В то время многие из офицеров гвардии и генерального штаба с страстью учились и читали преимущественно сочинения и журналы политические, также иностранные газеты, в которых так драматически представляется борьба оппозиции с правительством в конституционных государствах. Изучая смелые политические теории и системы, весьма естественно, что занимающиеся ими желали бы видеть их приложение в своем отечестве, а это и было главным предметом занятий размножившихся в Европе тайных политических обществ, в которых члены посвящали себя политике. Статуты некоторых этих союзов, существовавших во Франции и Германии, завезены были в Россию и навели наших либералов на мысль учредить тайное политическое общество и у нас с целью ограничить самодержавие. В конце 1816 года эта мысль осуществилась: несколько офицеров гвардии и генерального штаба условились составить тайное общество с целию, с какою все подобные учреждаются»[34].

То есть ситуация перевернута Н. Д. Потаповой с ног на голову — не на следствии в результате знания европейских политических реалий были выдуманы декабристские тайные общества, а реально созданы под влиянием европейской политической практики.

Если бы Н. Д. Потапова внимательно и непредвзято прочитала «Записки» Трубецкого, она нашла бы там ответ на свои сомнения. Отсутствие личного интереса при готовности рискнуть жизнью и честью ради будущего благоденствия своей страны — это, собственно, и был нравственный фундамент декабристского движения.

У Н. Д. Потаповой получается, что Толь и Левашов, запустившие процесс «перекодирования» показаний подследственных в стройную версию о зловещих тайных обществах, версию, которая оправдала бы расстрел людей из орудий, были знатоками европейской прессы и по ее лекалам принялись конструировать модель мятежа.

Вот как проходил, по представлению Н. Д. Потаповой, первый допрос Рылеева: «Журналист Рылеев первым напишет показания. В начале его версия мало отличалась от того, что записывал Толь...»[35] То есть Рылеев рассказал о замысле воспользоваться переприсягой, о том, что Трубецкой должен был принять начальство над протестующими солдатами, и что его отсутствие стало причиной «всех беспорядков и убийств». И далее: «Роли множились, догадки проецировались на знакомых, связи перекодировались в предложенные следствием формулировки. Дальше последовала пауза, проступившая в показаниях Рылеева изменением ритма письма, и важное признание: "Общество точно существует... Все вышепоименованные суть члены оного"»[36].

Открываем следственное дело Рылеева. В первых полутора десятках строк ничего не «множится», «не проецируется» и уж тем более не «перекодируется» «в предложенные следствием формулировки». Всё это чистый вымысел, рассчитанный на то, что кроме доцента Н. Д. Потаповой никто не заглянет в следственное дело.

То, что произошло далее, должно было, по мнению автора, выглядеть следующим образом — генерал Толь останавливает Рылеева и говорит ему: «Нет, брат, так не пойдет! Нам всё это не интересно. Давай-ка сделаем вот что — ты скажешь, что было тайное общество, которое все эти беспорядки и устроило. Тогда тебе выйдет послабление». И Рылеев послушно начинает: «Общество точно существует...» До этого он, стало быть, ни о каком тайном обществе не слыхал.

По логике Н. Д. Потаповой, нечто подобное произошло и с Трубецким, показания которого на первом допросе начинаются со слов: «Тайное общество, которое хотело составить в России Конституционную Монархию, существовало некогда и потом разрушено»[37].

Поскольку допрашивал Трубецкого в ночь на 15 декабря тот же Толь, то мы должны считать его автором грандиозной мистификации, которую наконец-то разоблачила Н. Д. Потапова. Соавтором был, очевидно, генерал Левашов, который провел второй допрос князя 17 декабря уже в крепости. И выспрашивал подробности о Южном тайном обществе.

Надо отдать должное Толю — с первых минут допросов он непостижимым образом сориентировался в обстановке.

С первых же слов о тайном обществе заговорили Каховский и Александр Бестужев. Причем последний с большими подробностями. Очень подробно о структуре и деятельности Союза благоденствия и Северного общества говорил Оболенский.

И всё это стараниями двух генералов?

Ну предположим, что в процессе допросов следователям удалось «перекодировать» рассказы о дружеских беседах в «мифологему тайного общества». А как быть с тем, что декабристы рассказывали в воспоминаниях? Единожды поддавшись коварству Толя с Левашовым и др., они затем всю жизнь повторяли этот вымысел?

Несгибаемый Лунин, которого Н. Д. Потапова напрасно старается сделать своим союзником, постоянно писал в Сибири о тайном обществе для того, очевидно, чтобы поддержать вымыслы следователей и соответствовать сюжетам европейской печати.

Его знаменитая фраза: «Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам»[38], — совершенно точно откомментирована в издании «Писем из Сибири», вышедших в «Литературных памятниках». Лунин говорит о народных восстаниях, которых декабристы страшились и которые надеялись предотвратить, и заговорах, подобных убийству Павла I[39].

Настойчиво и последовательно, рискуя жизнью, Лунин и во «Взгляде на русское тайное общество с 1816 до 1826 года», и в «Разборе донесения тайной следственной комиссии» анализирует смысл существования и миссию русских тайных декабристских обществ: «Т[айное] о[бщество] разрушилось на Северное и Южное, по обширности края, принудившего учредить два средоточия действия»[40]. Он предлагает беглый, но точный взгляд на историю тайных обществ. И объясняет причины их поражения. Он совершенно так же, как лидеры Северного общества, объясняет причины «происшествия 14 декабря», без всяких «якобы».

Понятно, почему Н. Д. Потапова почти не упоминает в своей книге такую значительную фигуру движения, как цитированный выше генерал М. А. Фонвизин. Это не случайно. Ей пришлось бы объяснять — почему в своем «Обозрении проявлений политической жизни в России» этот глубокий и независимый мыслитель разворачивает подробную историю тайных обществ. Он следует традиции Толя и Левашова?

Фонвизин пишет в частности о ситуации междуцарствия: «Этим-то временем, когда Россия не знала, кто будет ее императором, хотели воспользоваться петербургские члены тайного общества под председательством пылкого и восторженного поэта и патриота Рылеева и полковника кн. С. П. Трубецкого...»[41] И далее рассказывает об одном из вариантов плана восстания и о ходе событий 14 декабря. В существовании тайных обществ Фонвизин, в отличие от Н. Д. Потаповой, не сомневался.

Приводить примеры реального существования тайных обществ и абсурдности концепции автора «Трибун сырых казематов» можно без конца.

Откуда появилась ведущая идея «трибун сырых казематов» — понятно. За образец взята практика сталинских следователей, сочинявших вместе с подследственными сюжеты их преступлений. Н. Д. Потаповой, конечно же, хоро-

шо известна история «Академического дела», целиком сочиненного следователями с активной помощью некоторых известных историков, чью волю они подавили.

Но то, что делали сочинители из НКВД-ГПУ, было выгодно, более того, необходимо власти. Таким образом готовился, а затем оправдывался массовый террор. Николаю I и его окружению факт десятилетнего существования тайных обществ, сперва мягко оппозиционных, а затем враждебных системе, был абсолютно невыгоден. Орудийный огонь по мятежникам был оправдан самим фактом вооруженного мятежа. Значительной частью общества эта страшная мера была принята. Отнюдь не кровожадный Карамзин писал в письме к И. И. Дмитриеву, что он «алкал пушечного грома». Добрейший Жуковский вполне одобрял действия молодого императора и ужасался «буйству» инсургентов.

При внимательном и объективном рассмотрении материалов следствия приходится признать, что следователи декабря 1825 — мая 1826 г. хотели выяснить *правду*. Они жестоко и последовательно и, как ни странно, весьма профессионально, используя отнюдь не только кандалы, угрозы и посулы, но и умело оперируя накапливающимся материалом, вынуждали подследственных к откровенности.

Да, при анализе следственных дел необходимо учитывать психологическое состояние доведенных до отчаяния узников. Тяжкий пример — показания Батенькова в период явного психического расстройства. Были и самооговоры, но не было нужды сочинять историю тайных обществ. Их реальность была известна следователям из доносов Шервуда, Майбороды, Бошняка. Бенкендорф в свое время передавал Александру I подробный донос Грибовского на Союз благоденствия и, разумеется, помнил это.

Можно сомневаться в радикально революционном характере Союза благоденствия, но конспиративный характер этой четко структурированной организации несомненен. Ее устав был опубликован еще в XIX в.

Задача следователей заключалась в конкретизации уже имеющихся сведений.

Очень обидно, что изначально ложная идея, которую Н. Д. Потапова пытается навязать огромному и разнообразному материалу, ею собранному и проработанному, обесценила этот труд.

Н. Д. Потапова любезно ссылается на мою книгу «Мятеж реформаторов», подкрепляя свои совершенно верные соображения о «разности» деятелей тайных обществ. Тут мы с ней единомышленники. История декабризма, история тайных обществ и их периферии — это история сотен индивидуальных судеб, история не только самоотверженности и благородства, но и честолюбивых мечтаний, не только верности, но и предательств, не только мужества, но и человеческих слабостей. Иначе и быть не могло. Но это великая история, требующая тщательного и ответственного изучения. Эта история, чрезвычайно много объясняющая в русской истории вообще. И я согласен с Н. Д. Потаповой — дальнейшее изучение этого насыщенного многообразным смыслом

материала — в том числе и следственных дел, — открывает неожиданные возможности. Но смысловое богатство материала отнюдь не требует фантастических построений.

Наряду с научными и антинаучными подходами к декабристской проблематике в последнее время появилось активное, так сказать, любительское декабристоведение. Особый и наиболее выразительный слой этого явления — «декабристская конспирология». В качестве примера можно назвать труды известного конспиролога Н. В. Старикова. В сочинении «Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов», вышедшей в 2015 г., он поместил специальную главу «Почему декабристы так не любили русскую армию».

Читать Н. В. Старикова одно удовольствие. Мы узнаём, в частности, что 14 декабря тайное общество устроило мятеж отнюдь не по собственной воле: «Приказ о выступлении им дает некий таинственный диктатор! Кто это — не знает до сих пор никто <...> Но приказ о выступлении был отдан ранее. Кто его отдал — неизвестно, но восстание, как известно, произошло»[42].

Но не это главное, главное — это черновик «Манифеста к русскому народу», прежде всего — пункт, гласящий: «уничтожение постоянной армии»: «Шестой пункт декабристского манифеста — это отправная точка, это старт в долгом марафоне за уничтожение нашего государства. <...> Уничтожение постоянной армии!!! Вдумайтесь — распустить вооруженные силы хотят образованные военные! Но зачем?»[43]

Понятное дело — чтобы наши геополитические противники захватили территорию и ресурсы России.

Н. В. Стариков не единственный, кого искренне возмущает этот пункт, Но дело в том, что обличители декабристов просто не справились с терминологией. Разумеется, «уничтожить постоянную армию» в точном смысле никому бы в голову не пришло. Трубецкой, в доме которого нашли при обыске этот документ, не был ни безумцем, ни самоубийцей. Распустить одномоментно сотни тысяч солдат и десятки тысяч офицеров было невозможно хотя бы потому, что армия бы этого не позволила. Большинство лидеров тайных обществ были плоть от плоти российской армии и прекрасно понимали ее значение и роль.

Речь шла о другом. В понятии Трубецкого и его сподвижников «постоянная армия» — это армия, в которой служат по 20 с лишним лет. Это армия чрезвычайно медленной смены состава и в этом смысле постоянная. Декабристы собирались существенно уменьшить срок службы и тем самым сделать состав армии динамично сменяемым. Это было постепенное движение к принципам военной реформы Д. А. Милютина, реформы 1874 г., одной из «великих реформ» эпохи Александра II.

Патриоты-обличители не обращают внимания на то, что перед этим криминальным пунктом стоит: «уравнение рекрутской повинности между сословиями». Раз существует рекрутская повинность — существует армия.

«Народная стража», о которой говорится в Манифесте, — замена полиции, а не армии.

Декабристам очень не повезло в том смысле, что потомки — в частности наши современники, — оказались куда умнее, чем они. И высокомерно упрекают их за глупые промахи. Это вызвано всегда незнанием реальной ситуации.

Традиция высокомерного отношения к неудачникам из тайного общества была положена еще в 1920-е гг. очерками Ларисы Рейснер, представлявшей победителей-большевиков, сумевших в отличие от декабристов взять власть.

Удивительно, но претензии декабристоведов-любителей часто пересекаются с таковыми же у специалистов; скажем, сомнения по поводу «уничтожения постоянной армии» мы встречаем и у доцента Н. Д. Потаповой...

Простой вывод — кроме научного исследования истории декабризма, весьма полезна и элементарная просветительская работа.

---

1 *Киянская О. И.* Южное общество декабристов. События и люди. М.: РГГУ, 2005. С. 13.
2 Там же. С. 362.
3 *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1983. С. 220.
4 Там же. С. 241.
5 Там же. С. 291.
6 *Толстой Л.* Полное собрание художественных сочинений. Т. VIII. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 247.
7 *Киянская О. И.* Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка. М.: Форум Неолит, 2015. С. 4.
8 Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургенева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 287.
9 *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. С. 220.
10 *Киянская О. И.* Южный бунт. С. 5.
11 Там же. С. 146.
12 Там же. С. 239.
13 Воспоминания Бестужевых. СПб.: Наука, 2005. С. 37.
14 ОР РНБ. Ф. 380. № 58. Л. 9 об. — 10 об.
15 Восстание декабристов. Документы. Т. XVII: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. М.: Наука, 1980. С. 58.
16 Подробно см.: *Гордин Я.* Бывший историк в поисках истины // Звезда. 2016. № 1. С. 211 и далее.
17 *Потапова Н Д.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2017. С. 11.
18 Работа Г. С. Габаева была опубликована как приложение в монографии А. Е. Преснякова (*Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926). Переиздана в приложении к моей книге (*Гордин Я.* Мятеж реформаторов. Трагедия мятежа. СПб.: Пушкинский фонд, 2006).
19 *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 250.
20 Там же.

[21] Там же. С. 257.
[22] *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Правитель дел. К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 6.
[23] *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 13.
[24] Там же. С. 273.
[25] Там же. С. 16.
[26] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. С. 8.
[27] Там же. С. 264.
[28] *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 257.
[29] 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб.: Академический проект, 1999. С. 443.
[30] Там же. С. 16.
[31] Там же. С. 18.
[32] Там же. С. 258.
[33] *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. С. 221.
[34] *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Т. II: Сочинения. Иркутск: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1982. С. 184.
[35] Там же. С. 258.
[36] Там же.
[37] Восстание декабристов. Материалы. Т. I. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 6.
[38] *Лунин М. С.* Письма из Сибири. М.: Наука, 1987. С. 6.
[39] Там же. С. 373.
[40] Там же. С. 56.
[41] *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. С. 190.
[42] *Стариков Н. В.* Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2015. С. 143.
[43] Там же. С. 145.

Петербургский исторический журнал № 2 (2019)

УДК 94(47)«1825.12.14»
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00036

Н. Д. Потапова

Декабристы и республиканская традиция

Противопоставление республики и монархии как двух *альтернативных* форм управления, основанных на исключительно разных принципах, появляется в политической теории сравнительно поздно. Современные исследования по интеллектуальной истории показывают, что эта оппозиция начинает доминировать в источниках лишь после Французской революции и последующих событий. Происходит